

О ГУМАННОЙ ЦЕЛИ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИИ

Имам Валерия Михайловна Порохова,

доктор философских наук, профессор, Россия.

В многонациональном, и как следствие, в многоконфессиональном обществе Центральной Азии (в общем-то как и в других регионах мира: в частности – в России, в Англии, в Канаде и т.п.) вопрос конфессиональной безопасности становится все более актуальным и болезненно острым. Нынешний уровень религиозного сознания или, точнее, массовой религиозной невежественности не позволяет ставить вопрос о *глобальном единобожии*, хотя некоторые социологи поспешно, на мой взгляд, усматривают в зарубежных вояжах римского понтифика первые шаги в этом направлении. Поэтому в настоящее время при существующем положении вещей любые попытки свести к общему знаменателю (и опять-таки: к какому? Или скорее – к чьему?) конфессиональные предпочтения людей, безусловно, можно будет рассматривать как нарушение прав человека, причем в государственном масштабе. А это уже – потенциальная почва для насилия. Но, как правило, к насилию прибегают лишь исчерпав политические, социальные и нравственные резервы. Гражданская стабильность в обществе – это не только и не столько политическая стабильность власти (правлящего режима), которая достаточно успешно достигается силовыми ресурсами, сколько социальная стабильность, в самой основе которой лежит *нравственно-религиозная* совместимость людей, составляющих данную государственную общину. Такая совместимость строится исключительно на формировании у людей (методом широкой сети просвещенческих средств: TV, печать, радио и т.п.) общих для всех (в смысле: близких по духу для всех) нравственных ценностных ориентаций – тех ценностей, которые не имеют ни этнических, ни географических, ни временных пределов, не зависят от национальных особенностей, а тесно связаны вероисповедальными доктринами всех времен, низведенных в виде заповедей.

Эти заповеди, носящие общий характер, и составляют общественную мораль. Когда вера в объективную истину Господнего творения по

политическим, социальным и, наконец, частно-субъективным мотивам была дерзко подменена структурой веры – религией, которую всегда можно чуть-чуть отодвинуть в сторону, когда между человеком и Творцом встал посредник в виде священнослужителя, претендующего на возможность (за определенную мзду!) отпустить совершенный грех, когда религия позволила отделять свои нужды (а разом и свою казну) от нужд государства, личная ответственность человека перед Творцом (о которой так много и настоятельно говорит Священный Коран) гипертрофировала в ответственность перед служителями религии и стала предметом торга. Но вера в Господа – одна для всех, вероуставные заповеди всех Писаний – фундаментально одни и те же и разнятся только по частностям, диктуемым природными, ментальными и, наконец, цивилизационными различиями. И потому, только через выявление объединяющих нравственных норм, диктуемых всеми Писаниями без исключения, и претворение их на практике жизни, введение диктата личной ответственности за содеянное, постановка во главу жизнедеятельности – благочестия, как приоритетных заповедей, дозволение отправления религиозных частностей отдельными группами населения (естественно не вступающих в противоречие с единой линией жизнедеятельности общества в целом) можно достичь того желаемого благополучия, о котором так долго и болезненно стонет наше забытое Богом или, скорее, забывшее Бога, общество.

Любопытно, что в сознании людей на генетическом уровне живет моральный кодекс (те самые нравственные нормы, о которых идет речь выше), которым они дорожат более всего, относясь к нему религиозно, понимая мир, как порядок, установленный Божественной волей. «Если править с помощью закона (учрежденного волей земного правителя: уточнение В.Пороховой), то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность». (Гениальный Конфуций)

Когда власть равнодушна, а главное, инертна к отсутствию нравственной организации социальной, гражданской жизни общества через следование традиционному укладу и национальному менталитету, когда власть представляет угрозу религиозному предпочтению своих граждан в любой форме (будь-то социальная, психологическая, информационная, законодательная или другого рода атака), она создаёт конфликт, который имеет тенденцию никак не утихать, а, напротив, расти и, в конечном счёте, перерастать в гражданское неповиновение, разрушая на своём пути все тыловые жизнеобеспечивающие структуры общества.

Сейчас мы являемся свидетелями циничной политизации нравственных и конфессиональных ориентаций. Нам навязывают мотивировку геополитической и политической преступности желанием следовать вероуставным положениям Священных текстов. Но преступление не может быть причислено или увязано ни с одной конфессией. Преступник не может быть ни иудеем, ни христианином, ни мусульманином. Преступность внеконфессиональна, вненациональна, внерасова. Нам же бессовестно навязывают вновь сложившиеся сиюминутные (в масштабе исторической практики) американские и западно-европейские политические, социальные и этические нормы, чуждые многовековому знанию и опыту тысячелетней практики межличностных и межгосударственных отношений. И если новации современного законодательства устраивают «всеядного» американца, как правило, достаточно инертного к этической сути закона, то умудрённый тысячелетней мудростью еврозиат предьявляет закону строгий спрос на его соответствие сути нравственности и благочестия.

Такой и только такой подход к базовой сути законодательства роднит все религии мира и делает недозволённой их конфронтацию. Если одна религия противостоит другой, она перестаёт быть Господним вероучением и лишается благословения Всевышнего. Выбор религии – это интимная вещь, в которую никто не имеет права вторгаться, на которую никто не в праве посягать. Но здесь необходимо учитывать один чрезвычайно важный момент, на который ставит особый акцент Священный Коран: каждое вероуставное Откровение, на котором строилась религиозная структура, имело строго означенное историческое пространство, т.е. имело пространственное, временное и национальное ограничение и по истечению определённого срока исчерпывало свою надобность, оставляя в абсолютной неприкосновенности лишь фундаментальные заповеди направляющего толка. Именно эти заповеди, лишённые отправного параметра временной надобности, были введены в канву последнего Господнего Откровения – Священного Корана – на мощном фоне (говоря современным языком) конституционного законодательства, как юридического, так и финансового, уголовного, социального, политического и, наконец, семейного.

Религия, построенная на последнем Господнем Откровении – Ислам. Причём, это – чисто атрибутивное название, никак не увязанное с именем Пророка, принесшего его, в отличие от других религий, получивших свои именованья по именам их явителей: Будда – буддизм, колена Иуды – иудаизм, Иисус Христос – христианство и т.п.

Корень С Л М (са-ли-ма), стоящие в основе слова Ислам, включает в себя весь понятийный комплекс значений: мира, сохранности, безопасности, спасения, здравости (ума и тела), благости и чистоты (намерений), благополучия, - вплоть до понятий сердечной чистоты и хорошего вкуса («Франко-французский толковый словарь»).

Итак, Ислам – это объективная истина, которая выражается в следующем: всё существующее диалектично развивается по установленным законам Творца в одном направлении – к Нему, начиная и завершая назначенные сроки. Это те законы диалектики природы, которые были открыты великим Гегелем (классическая немецкая философия), и здесь мы правильно выбираем глагол «открыты», ибо открыть закон можно только тот, который был кем-то назначен – назначен Творцом нашим (для функционирования в условиях земной реальности).

Теология Ислама – это абсолютный и бескомпромиссный монотеизм: Божья воля, величие и созидательная мощь Творца венчает всю практическую жизнедеятельность человека и несёт значение добровольного и радостного следования Господнему Руководству, изложенному в законодательной канве Священного Корана, - причём особое ударение делается на запрете навязывания религии: «в религии нет принуждения». (С.2, ст. 256) Здесь, самым страшным грехом является «ширк», когда величие и единственность Аллаха, оскверняется сопоставлением Его с фальшивыми божествами. Здесь нет и намёка на первородный грех, и идею искупления **чужой** вины, (хотя Адам и согрешил, отведав запретный плод, он раскаялся. Господь вернул его в Свою милость и поставил первым в черед Пророков). А там, где нет первородного греха, нет и спасителя. Иисус представлен величайшим Пророком, укреплённым Господним Духом, но не воплощением Божества. А там, где нет ни божества, ни спасителя, искупившего чужой грех, не может быть ни церкви, «невесты Божьей», ни «таинства тела Господня». Не требуется никакой структуры веры, чтобы гарантировать спасение. («Изменой миссии Иисуса Христа было институционализация христианства и создание Церкви Иисуса Христа», - Вольфганг Фон Гёте). Всё, что должен сделать человек, это признать Господню Волю и направить свой интеллект на то, чтобы отделить истину от лжи, используя Руководство Творца в качестве критерия различения Добра и Зла (Аль Фуркан). Т. е., по ходу исторического развития, человек окружил себя большим количеством институтов, обслуживающих его нужды, как-то: институты юриспруденции, просвещения, финансовые, информационные и т.п., по аналогии с которыми был создан институт веры (церковь), дабы ослабить «узду» заветно-

запретных уложений, с одной стороны, и возможности манипулировать социальными процессами, с другой.

Итак, так как в Исламе не существует доктрины божественного воплощения, в нём нет института церкви, наделённого полномочиями доведения Божественной воли до простого верующего. Согласно Исламу Аллах не раскрыл людям Себя или Свою самость, а дал им лишь Свой Закон. И в отсутствии формального института веры, наделённого полномочиями осуществлять надзор над религиозной жизнью или же выразить официальную исламскую точку зрения, сравнимую с той, которую выражает папство или избираемое руководство церковных общин, интерпретация и применение законов шариата, изложенных в Коране и Сунне Пророка, происходит в соответствии с комплексом правил, разработанных улемами (учёными) авторитетных юридических школ. Однако, все решения, выносимые даже на уровне Верховного шейха Аль Азхара, носят чисто рекомендательный характер, если они не проведены через суд «кади» - судьёй. А судью назначает правитель. Поэтому реализация религиозного права (в отличие от его толкования) находится под контролем государства.

Кризис современного Ислама – мало кто станет отрицать его наличие – является отнюдь не духовным кризисом, не кризисом духа мусульманина, - это кризис власти: политической, интеллектуальной, юридической и, наконец, духовной. Коран – Господне руководство – и Сунна Пророка сформировали готовый конституционный баланс и, как следствие, центральный институт государственной власти – Халифат, что стало едва ли не первой в истории межнациональной цивилизацией. И, как отмечают известные учёные нашего времени, бесспорно также и то, что основа для последующего рассвета научной и философской мысли на Западе, была заложена в мусульманском мире, когда уровень цивилизации мусульманских общин, их беспрецедентная образованность, утончённость и творческий порыв были характерны для них ещё за несколько веков до начала эпохи Возрождения в Европе.

Ценность этого исторического достижения была сведена на нет очевидным провалом власти, когда осуществление Господнего проекта по установлению Единого Божественного правления на земле было вверено и продолжает оставаться у непрофессиональных энтузиастов, не обладающих никакой исполнительной властью. И как мы наблюдаем в настоящее время, большинство мусульман проживает в государствах, правительства которых имеют репутацию аморальных и бездуховных.

Тенденция к религиозному возрождению в современном Исламе отражает ход социальных перемен в исламском мире. Воспитанные в традиционном духе улемы (учёные-религоведы) оказались неспособными инкорпорировать современные реформаторские идеи общества в традиционную доктрину, игнорируя при этом многовековую мудрость, позволявшую улемам прошлого вписывать нормы шариата в реалии политической власти и в ситуации повседневной жизни.

При этом традиционные формы исламской духовности, которые когда-то были так изысканно представлены братствами суфиев, отягощаются до неузнаваемости идеологизацией Ислама на политическом уровне, с использованием чуждой Исламу символики. Этой идеологии, которую часто называют «исламским фундаментализмом», больше подходит название «исламизм», где латинский суффикс «-изм» удивительно точно отражает трансформацию истинных исламских реалий в политическую идеологию, лишённую духа и буквы Господнего руководства. Исламизм – это не Ислам.

Но ведь всякая государственная структура, всякое властное образование и всякая социо-экономическая формация имеют строго означенное пространство, ограниченное рамками географии, времени, научно-технического прогресса и, наконец, национального менталитета, причём каждая из них эволюционирует и потому, со временем, уходит в небытие за ненужностью. Единственное пространство, не подверженное материальному эволюционированию, это культовые чувства верующего человека, вдохнутые в него Творцом нашим (Фитрату-л-Лахи) и заложенные в нём навечно. Культовые чувства являются не только священными для каждого верующего, но и мощным объединяющим фактором. А потому, неправомерное увязывание религиозной идеологии человека с геополитическими и финансово-экономическими интересами правящих государственных структур, попытки навязать верующим людям ответственность за безответственное поведение их «единоверцев», увязывание поведенческой линии человека, исповедующего нормативы своей религии с кровавой стратегией террористов «от религии», может стать идеологическим инструментом межцивилизационного противостояния и запустить механизм глобальной межрелигиозной конфронтации.

В этой связи особую важность приобретает вопрос о причастности религии к экстремизму и международному терроризму. Ортодоксы от любой религии посягают на вневременной, внепространственный, вненациональный вектор Господних Откровений, желая вернуть его к архаическим ценностям

институтов былых времён, тем самым перечёркивая фактор эволюции, заложенный изначально в Господний промысл, торпедируя разом и научно-технический прогресс, и нравственное воспитание на уровне сознательного принятия Господней идеологии.

С учётом, того что исполнители терактов – как правило, выходцы из мусульманских стран, они реально угрожают и мусульманам, и Исламу, в целом. Пересмотр понятия «джихад», перевод его из плоскости личного усердия мусульманина на пути к Истине в плоскость вооруженной борьбы с «неверными», в том числе с мусульманами, не разделяющими их взгляды, утверждает несвойственное Исламу право на неповиновение, бунт, смуту («фитна»), - одним словом утверждает правомерность «фитны», хотя в Коране декларируется, что «фитна – хуже смерти», а основатель радикального масхаба (правовая школа) Ибн Ханбал утверждал, что именно «фитна» разрушает устои веры и общественной морали и настаивал, что принятие даже плохой власти, лучше чем «фитна».

Ислам требует беспрекословного повиновения закону и порядку своей страны, при условии, если власть не посягает на его религиозный выбор, обеспечивает ему социальное равенство и защищает его имущественные права: «Аллах вам не даёт запрета, любовь и справедливость проявлять к тем, кто за вашу веру с вами не сражался, не изгонял вас из ваших очагов». (Коран С. 60, ст. 8) Не это ли та самая морально-нравственная база, введение которой в законодательство любой страны обеспечит ей ту желанную стабильность, о которой так долго и бесполезно страдает наше измученное своей 80-летней безнравственностью общество.

Кстати, эти же принципы лежат в основе уникального высказывания мусульманского Пророка Мухаммеда (Да будет на нём благословение Всевышнего!): «Конец Света наступит когда уйдёт в небытие понятие чести. А это произойдёт, когда правление на земле будет вверено негодным людям». Т.е. устами Господнего Посланника благополучие общества, его безопасность тесно увязывается с понятием чести. К нашей неопишуемой скорби генетические носители чести на протяжении последнего столетия уничтожались – измами всех мастей (капитализмом, фашизмом, коммунизмом, тоталитаризмом и т.п.) и нам предстоит найти тех немногих, которым ценой невероятных усилий удалось выжить, чтобы воззвать к их благородному духу, помочь нам спасти от гибели наших детей и внуков.

Несравненная мудрость заветно-запретных нормативов, заложенных в фундаментальной канве исключительно всех Господних Откровений, и

сублимированных в последнем Писании – Священном Коране, пленяет такой силой идеологии, что достаточно жить и работать по ним, чтобы доказать их абсолютное совершенство. С развитием культуры идеологического мышления, анализом исторической памяти, вера в Творца завоёвывает умы и сердца людей XX века и ей не нужно орудие насилия. Единственно, чего требует эволюционный фактор Господнего промысла, так это – чисто технической «притирки» требований современного развития к основополагающим положениям нормативного Писания.

Падение старых и становление новых государственных структур и политических образований, сопряжённых с различного рода «– измами», никоим образом не затронуло то образование, которое было явлено нам свыше Кораническим аятом:

«Я завершил для вас сегодня (вероустав) религии (Своей)

И проявил сполна Свою вам милость, назначив изволением Своим Ислам» (С. 5, ст. 3)

Напротив! Оно на практике обрело интеллектуальное, социальное, правовое и, наконец, финансовое обоснование непререкаемого превосходства Господних Истин над изощрёнными манипуляциями человека в угоду своим страстям, которые были всегда безмерно-корыстными и неизменно заканчивались в лучшем случае крайне плачевно, чаще же – глобальными катаклизмами.

Мақалада ислам дінінің адамгершілік негіздері, ислам сөзінің мән-мағынасы, қазіргі жай-күйі қаралады.

Human principles of Islam religion, meaning of Islamic words and their modern state is considered in this article.

